

О проблемах нефтесервисных предприятий.

Прямая речь участников круглого стола «ЭКО»

И.А. Болдырев, директор ООО «АльфаСейсмика»

– Мы предлагаем услуги по мониторингу зданий и сооружений, что-то вроде внутренней томографии объектов. Это очень актуально для районов вечной мерзлоты, и особенно – на фоне глобального потепления. Но с чем мы в своей работе столкнулись – в стране отсутствует приемлемая практика оценки рисков. Сами организации не готовы за это платить адекватные деньги, хотя если из-за подтаивания мерзлоты рухнет какое-нибудь здание – это огромный ущерб, а если, не дай Бог, будут человеческие жертвы – уголовное дело; страховые компании, по сути, основываются на статистике аварийности, которая аккумулируется Институтом мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН. Банки тоже – при выдаче кредитов, проектном финансировании их интересуют только юридические и финансовые риски, хотя на самом деле технические с финансовыми связаны довольно сильно. По сути, единственная «экспертиза», которая сейчас проводится на регулярной основе – это предусмотренные ГОСТами обследования (старые сооружения – раз в 5 лет, новые – раз в 10 лет), и это делается часто формально. Но, во-первых, видимые дефекты появляются не сразу, во-вторых, узнать, что происходит с грунтом, насколько критично изменилась нагрузка на фундамент и пр. при стандартных осмотрах невозможно – для этого раньше бурились шурфы, но это дорогое удовольствие, и такое случалось крайне редко – в экстренных случаях. На наш взгляд, давно назрела реформа института оценки зданий и сооружений – и с точки зрения обязательности технической экспертизы при страховании, потому что без жестких нормативных требований этот рынок не заработает, и с точки зрения применения современных технологий, способных выявить проблему на самом раннем этапе. Это могло бы уберечь от серьезных проблем в будущем и сэкономить много средств, ведь предотвратить болезнь всегда проще, чем лечить.

К.Н. Каюров, генеральный директор ООО НППГА «Луч»

– Для любого промышленного предприятия важнейший фактор – это стабильность среды обитания. Это всевозможные ресурсы, имущественные отношения, люди, получившие хорошее образование и обладающие приобретёнными знаниями, кредитно-финансовая система,

финансово обеспеченный рынок и многое другое. Когда эта среда нестабильна, нарушен межотраслевой баланс, возникают проблемы в самых различных областях деятельности, нормальное развитие невозможно. Наша отрасль – нефтесервис – плотно завязана на геологоразведку, на объёмы бурения скважин. Критическими при разработке и создании аппаратуры являются металлургия, электронная промышленность, кадры и прочее. Внешние факторы – санкции, СВО, особая любовь к нам западных партнеров и т.д. – тоже жизнь не облегчают, но когда источником хаоса и разбалансировки становятся свои – вдвойне обидно.

Буквально несколько примеров приведу. Мы сейчас расширяем производство, достраиваем цех на 6 тыс. м². Знаете, сколько нужно документов, чтобы получить разрешение на строительство? Более 140 (!). В том числе – пробы грунта на гельминты. Зачем, почему, причем тут наше производство – никто не может объяснить, но без этих проб запуститься нельзя... Много было усилий потрачено на сертификацию специального оборудования, но, увы, в итоге элементы, на которых оно было спроектировано, оказались не отечественного производства, и на него был наложен официальный запрет. А мы прошли все виды испытаний, в том числе выращивали грибы на металле и прочее, потратили два года... Что, раньше не знали об этом? Такие вот резкие решения порождают неопределенность, убивают всякую инициативу.

В апреле планируем провести первые работы, испытать нашу роторно-управляемую систему. Это довольно сложная технология, раньше они все были только импортные. Мы создали полностью свою разработку. Но что будет дальше? Потребность в таких системах вроде бы большая, но неясно, дадут ли возможность использовать на практике такие системы, и если дадут, то на каких условиях. Каждый инвестиционный рубль в такой ситуации сопряжен с риском.

Зарубежные поставки – это отдельная песня. Вот 27 февраля 2022 г. нам позвонили партнеры и сказали: вы у нас купили 15 станков американских, они в Европе, но мы их не отдадим, потому как санкции. В конце концов, деньги американцы нам вернули, поступили порядочно, тут к ним нет претензий. Но нам пришлось срочно переориентироваться. Нашли замену, привезли станки через третью страну. Но они вроде такие же, да не такие. У нас же новое здание было полностью спроектировано под американское оборудование – начиная с фундамента, кончая перекрытиями, стенами, энергетической составляющей, габаритными размерами. А нам мало того, что пришлось переделывать всю энергетику (больше 20 миллионов отдали только за техническое присоединение),

О проблемах нефтесервисных предприятий.
Прямая речь участников круглого стола «ЭКО»

приобретённые станки по габаритам в два раза выше и тяжелей, а это все верхние коммуникации, система вентиляции, дымоудаления и так далее.

Или еще пример: буквально на днях сгорел новый китайский станок, – прямо в процессе опытной эксплуатации, когда проверяли геометрию резьбы, разные режимы работы. Просто пламя вспыхнуло, защита не сработала. Поэтому, когда мы говорим о замещении сложного оборудования поставками из Китая, у меня на этот счет особое мнение, я считаю, они пока не достигли мирового уровня качества.

И вот это все одно за другим накапливается, ложится на себестоимость. И когда приходишь на тендер в госкорпорацию или вертикально интегрированный холдинг, начинается выкручивание рук – не хочешь падать по цене, мы возьмем другого. Или по праву сильного навязывают кабальные условия договора: с фиксированной ценой на пять лет, зверскими санкциями.

И отказаться иногда невозможно. Потому что, когда заказов нет, нет денег, люди закисают без работы. Мы уже закрыли геологоразведку, целое направление, хотя в свое время была уникальная работа, которую мы провели вместе с Институтом нефтегазовой геологии и геофизики, когда по реке Лене сделали 1132 км меньше, чем за сезон – датчики стояли через каждые 50 м. А потом просто не было заказов, и пришлось специалистов переориентировать на сервис другого типа. Часть остались, а остальные просто ушли.

Хорошо, что хотя бы по отдельным компаниям какая-то ясность существует. По таким структурам, как Минатом, ОКБ Туполева планы выпуска расписаны на ближайшие четыре года. Исходя из этого мы можем понять, каким оборудованием нам надо будет дооснаститься. Это создает основу устойчивости производства. Из недропользователей могу сказать, что в «Сургутнефтегазе», у В.Л. Богданова, вся экономика четко планируется и контролируется, начиная от строительства дорог, транспортного обеспечения и так далее, – всё, что необходимо для жизнедеятельности, причем с жесткими сроками, техническими требованиями. По сути, они составляют внутривыпускной баланс. Этого сильно не хватает в масштабах страны.

...У меня в свое время был учитель, Занин Вадим Иванович, он всегда говорил, что промышленность, экономика страны – это огромный тяжелый состав, чтобы его остановить, нужно столько же энергии, сколько для того, чтобы разогнать. А мы 30 лет назад остановили, и сейчас разогнать не можем – так и едем на дрезине с ручным приводом.

Вторая наша животрепещущая проблема – кадровая. Это в первую очередь образование, качество выходящего из университетов, так сказать, человеческого материала. Выпускник, молодой специалист без опыта – это, образно говоря, пустая болванка, набитая формулами, ее еще нужно наполнить пониманием реальных процессов. Я сейчас с удовольствием беру людей 50–55 лет и даже старше. Это инженеры, у них сформировано что-то. И уже к ним на стажировку ставим 2–3, а то и 4 студентов, чтобы они покрутились, порешали реальные производственные задачи. Только тогда из них может получиться толк, хотя и без гарантий – отсеивается процентов 60–70, потому что большинство молодых хотят всего и сразу. Сейчас в магазинах электроники полно выпускников технических вузов, с дипломами инженеров. Но их хватает только на то, чтобы с упованием рассказывать покупателям про какую-нибудь кофеварку...

И эти же тенденции мы наблюдаем на всех уровнях. Простой пример – если ты хочешь изготавливать продукцию для решения какой-то производственной проблемы, то приглашаешь специалиста в этой отрасли, так сказать, носителя культуры производства. Выясняешь круг его задач, проблемы, с которыми он сталкивается... И вот мы обсуждаем с таким специалистом один наш прибор – картограф границ, который сканирует и описывает скважину. Всего в комплексе пишется 194 параметра, «наверх» выдается 20. При визуализации выдается большая часть – в виде красивых графиков, потому что в некоторые эксплуатирующие компании сейчас пришли люди, которые плохо воспринимают информацию, представленную не в виде комиксов, им надо как в журнале «Мурзилка». Он говорит: мне надо вот это. – А что конкретно? – Ну, чтобы я видел. – Ну, хорошо, увидишь, что ты будешь с этим делать? – Я не знаю. Но мне это надо...

Для того чтобы что-то в отрасли, в экономике развивалось, чтобы тот самый поезд сдвинуть, должна быть обратная связь, как минимум – взаимопонимание, люди должны на одном языке говорить, в одну сторону смотреть. А у нас порой приезжает специалист, облеченный большими функциями, и мне начинает жаловаться, как это плохо, что в геофизике нет стандартов. Когда я ему со своего компьютера на флешку сбросил огромную кучу действующих стандартов, он был крайне удивлен. А ведь это один из тех людей, которые принимают решения в отрасли!

Очень у многих наших потребителей нет понимания производственного цикла. Приходят и требуют оборудование «прямо сейчас», как в магазине. И это тоже вопрос профессионального уровня. Я не знаю, существует ли у нас в стране политика по выращиванию руководящих

кадров, как это было раньше – от ступеньки к ступеньке, постепенно расширяя компетенции? Или это все выливается в какие-нибудь ролевые игры, после которых выходят такие руководители, с которыми, как говорится, и врагов не надо...

Ну, и небольшой кивок в сторону Академии наук сделаю. Чем занимаются научные институты сейчас? Судя по тем, кого я знаю лично, от них требуют в основном статьи в журналах. Какая от этого польза для реальной экономики – большой вопрос. Потому что из системы организации науки убрали отраслевую. А это всегда была основа связи фундаментальной науки с производством, с реальной жизнью, и когда ее выбили, вся конструкция превратилась в воздушный замок. Ученые великолепно создают хорошие теории, но для того, чтобы «привязать их к земле», нужна отраслевая наука.

В.А. Крюков, академик РАН, директор ИЭОПП, главный редактор «ЭКО»

– Как в идеале должна выглядеть промышленная политика? У страны есть стратегические цели, они должны быть преломлены в критически важные технологии, оборудование, соответствующие требования к участникам рынка. Цели определяет государство (в широком смысле), оно же создает условия для того, чтобы их можно было достичь. Это и налоговая, и научно-технологическая, и кредитно-финансовая политика, и так далее. А бизнес, производство соотносит с этими целями и направлениями свою деятельность, сферы приложения своих продуктов и услуг.

Если мы говорим о критически важных технологиях, их можно подпитывать экономически. В том же Китае для стратегических предприятий, направлений действует отрицательная кредитная ставка, – государство доплачивает бизнесу за то, что он выводит страну в какую-то новую нишу на мировом рынке. Что касается «облачной реальности», с которой работает та же экономическая наука, государственные структуры, там проблема в том, что все эти инструменты – макроэкономическое моделирование, межотраслевые балансы, с одной стороны, дают увидеть взаимосвязи на макроуровне, с другой – доводят их до такой абстракции, что потом очень трудно решить корректно обратную задачу – перейти к пониманию ее материально-вещественного наполнения. То есть мы агрегировали, выявили тренд, но потом очень трудно определить, какие реальные управленческие решения принять на уровне, скажем, отрасли, продукта, чтобы изменить эти характеристики и параметры в нужном направлении. Для этого должно быть налажено общение экономистов,

управленцев со специалистами, понимающими в металле, в технике, в конкретном наполнении экономических процессов.

У нас с этим большие проблемы, и многие коммерческие компании этим пользуются. Особенно отчетливо это видно на примере природного газа. Основное направление его использования – сначала поставка в систему магистрального транспорта, затем на энергетические и топливные нужды. В то же время есть локальные потребители, другие направления, другие недропользователи, наконец, которые могли бы заняться разработкой более сложных и менее пригодных для подачи в систему дальнего магистрального транспорта участков недр. Но у нас право пользования недрами выдается на весь горный отвод на всю его глубину. Такое распоряжение ресурсами – чистой воды бесхозяйственность.

Наша позиция давно известна, и мы в этом не оригинальны: государство как собственник, как регулятор социально-экономического развития должно ставить перед обществом, бизнесом стратегические, научно-технические задачи и обеспечивать условия для их решения. А экспертное сообщество – ученые, инженеры, производственники, отраслевые специалисты – должно участвовать в процессе выработки, формирования условий, обеспечения динамики этого процесса. Динамика тут – важный нюанс. Один из наших существенных недостатков – склонность мыслить законченными состояниями. Посмотрите: то один, то другой губернатор отчитываются: мы создали кластер. Но кластер – это не есть что-то законченное. Это некая совокупность хозяйствующих субъектов, которые создают синергию, рождают в своем взаимодействии новое качество. Покажите мне хоть один такой кластер, где это новое качество возникло! Их нет пока. То, что мы называем сегодня кластерами – это первоначальная стадия, институт развития, как технопарк, ассоциация. Для того чтобы он перешел в новую стадию, нужны годы и годы целенаправленной работы. Весь отечественный опыт и опыт многих других стран и компаний об этом говорят.

Подготовила к публикации Э.Ш. Веселова